

РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

О.В. Кутарев

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.12.13817

НЕОЯЗЫЧЕСТВО ЕВРОПЫ

Аннотация. Неоязычество – относительно недавний феномен; этот тип новых религиозных движений возник лишь в XIX–XX вв. Сегодня он привлекает к себе большое внимание в общественной жизни и СМИ. Неоязычество представляет собой религию, воссоздающую те или иные фрагменты дохристианских верований, и опирающуюся на старые текстовые источники, однако привлекающую и элементы новизны, такие как экологичность, эзотерические учения и психопрактики, гуманистическая этика и т.д. Несмотря на расширяющиеся масштабы феномена в современности, научный разбор неоязычества невелик и часто труднодоступен для неспециалиста. Данная обзорная статья рассматривает причины возникновения, основные тенденции и свойства неоязыческих течений, возникших в Европе. Анализируются такие традиции, как германская, кельтская, балтская, финская и т.д.; особое внимание уделяется славянскому неоязычеству в его разнообразии. Помимо описания самих религиозных систем, внимание уделяется их истории, первоисточникам, способам функционирования и т.д. Новизна исследования состоит как в обобщении описательной базы и выявления с её помощью общих для неоязыческих движений тенденций, так и в аналитической составляющей, показывающих способы функционирования указанных систем и причины их востребованности. В то же время сводный обзор позволяет выявлять особенности каждого отдельного неоязыческого течения. Особо стоит выделить дифференциацию понятий «неоязычество» в противовес «язычеству», которая надёжно обосновывается.

Ключевые слова: европейское неоязычество, современное язычество, родноверие, асатру, друидизм, традиционные религии, древнеславянские верования, новые религиозные движения, политеизм, язычество в России.

Сегодня в Европе и России довольно массовым явлением стало неоязычество. Неоязычество – это совокупность новых религиозных движений, возникших не ранее XIX–XX вв., опирающихся на традиционные дохристианские верования тех или иных народов (в основном европейских). Приставка нео-, то есть «новое» (греч.) означает, что данные религии не являются традиционными: преемственность нового язычества от старого отсутствует вследствие христианизации Европы. В свою очередь слово «язычество» происходит от старослав. «языкъ» – «народ», и означает буквально «народная [вера]». В европейских языках используются термины (neo)paganism (обычно переводят с лат. как «сельская [вера]», отсюда и др.-рус. «погань»), heathenism.

В данной статье мы постараемся рассмотреть причины возникновения таких движений, провести их реферативный обзор, сопоставив их на его базе, и сделать выводы относительно их функционирования и дальнейшей судьбы.

1. Истоки неоязычества можно обнаружить в эпохе романтизма, когда в Европе XVIII–XIX вв. возникает идейная оппозиция тенденциям Просвещения, возвышающим научно-технический прогресс и подчас рассматривающим прошлое как неразвитое «детство» единого человечества. Романтизм противопоставил этому возвышение природы и обращение к прошлому как к истокам и корням любой культуры. Вследствие этого усиливается интерес к национальной истории, в том числе дохристианской, а восхищение природой обретает почти религиозные черты. Романтизм характеризовался интересом к фольклористике (изучающей народные поверья), которая показала, что многие явления, прежде считавшиеся исключительно достоянием языческой литературы древности, живы в народных песнях, сказаниях, легендах. Перейдя от собирания фольклора к его теории, многие представители романтизма (на Западе можно вспомнить братьев Гримм, в России видным представителем романтизма был, например, А.Н. Афанасьев) заключили, что народная культура и в на-

стоящее время воспевают природу и отдельные её явления подобно тому, как это было у язычников много веков назад [1].

Напомним, что до христианизации Европы (длительного процесса, который, начавшись в IV в. в Римской империи и Армении, продолжался почти тысячелетие, продвигаясь с юга на север континента), язычество было здесь почти единственным типом религий, оно характеризовалось не столько поклонением множеству богов, сколько почитанием природы и отдельных её явлений: небесных светил, огня, водоёмов, лесов, гор и т.д., и связанных с этим духов. Огромное значение имело устное предание, которому отдавали предпочтение даже те общества, которые знали те или иные формы письма (например, про кельтских жрецов – друидов – Юлий Цезарь писал: «они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом» [2]). Несмотря на доказанность наличия жречества у многих языческих народов, институт религии севернее Римской империи нигде не был столь сильно развит и так приведён к некому зафиксированному канону, как в христианстве, которое распространялась как политическая и культурная сила. Зачастую христианство насаждалось насильно, «огнём и мечом»; однако несомненно, что те или иные элементы язычества, более или менее видоизменившись, дошли до настоящего времени практически у всех народов Европы. Тем не менее, в средние века само язычество здесь погибло – исчезла преемственность языческого самоопределения (как и само это самоопределение); а рудименты старой веры стали элементами народного христианства. Так, например, славянская Масленица, будучи языческим по происхождению праздником, вошла в церковный календарь, а её дата стала зависеть от чисто христианской Пасхи.

Если до XX в. увлечение языческим прошлым было делом интеллектуалов-романтиков, то после мировых войн наряду с падением авторитета христианства и ростом националистических настроений интерес к народному прошлому обретает массовый характер. Подавляющее большинство крупнейших сегодня неоязыческих движений появляются в период после Второй мировой войны и до конца XX в., хотя отдельные течения указывают на свои истоки и во второй половине XIX столетия.

Возникновение таких движений происходит в целом по одной схеме. В рамках конкретного народа (или группы народов, как например, германцев, славян, кельтов и т.д.) происходит обращение к письменному наследию – более или менее богатому – в котором есть сведения о дохристианских традиционных верованиях этого народа. Это могут быть как памятники по сути языческого содержания (например, скандинавские «Старшая» и «Младшая Эдды» или группа ирландских скел вроде «Похищения быка из Куальнге» и т.д.), так и тексты, не связанные с язычеством, например, исторического характера; и даже церковные документы, повествующие о борьбе христианской церкви с языческими поверьями. Иногда также привлекаются данные позднего фольклора и этнографии. Далее, опираясь обычно на то или иное научное или эзотерическое исследование, анализирующее это наследие, выявляются основные, по мнению реконструкторов движения моменты. Обычно это описание пантеона – группы основных божеств; описание обрядов, художественной культуры и текстов, которые можно признать первоисточниками, иногда – священными. На основании этого создаётся учение, которое затем становится достоянием определённой группы людей или всей общественности; учение обычно воспринимается как религиозное. Часто принявшие его люди объединяются в общины, которые сплочены едиными представлениями или лидерами.

Во всех случаях при появлении неоязыческой религии есть два момента, осложняющих реконструкцию. Первый – отсутствие преемственности со старым язычеством. Поскольку в чистом виде язычество и язычники существовали лишь в древности, а затем исчезли, традиция начинается заново с первого реконструктора. Второй, вытекающий из первого – это отсутствие полноты данных о старом язычестве, вследствие чего кроме момента собственно **реконструкции** – т. е. восстановления старого язычества по историческим материалам – наличествует и момент **конструирования** новых элементов, заполняющих лакуны там, где старые данные отсутствуют, или где они не могут быть применены по отношению к современности (так, при современной оценке практиковавшихся язычниками в древности жертвоприношений, в т. ч. человеческих, зачастую появляется негативное отношение к этому элементу старой веры и т.д. [3]). Таким образом, появляющееся движение ни в какой мере не является полной копией старого языче-

ства – мало того, что возможностей для этого нет ввиду скудости данных, но к тому же вводится и значительное число новых элементов веры. Отсутствие полноты данных о старой религии касается любого язычества, даже римского и греческого, оставивших богатейшее письменное и культурное наследие. Если же мы говорим о германском, кельтском, балтийском, славянском и финно-угорском (т.е. т.н. северном) язычестве – то здесь имеются лишь крупницы знаний о старой вере; всё остальное в неоязычестве этих народов является новым элементом, отношение которого к древности в лучшем случае спорно. Стоит отметить, что сегодня неоязычеством необходимо признать любые верования, базирующиеся на индоевропейском наследии в Европе; и говорить, например, о современном германском или славянском «язычестве», как преемнике с не прерывавшейся традицией, идущей от старого язычества нельзя; во всех случаях под этим словом в науке подразумевается «неоязычество».

Помимо указанного факта нежелания и даже запрета записи сакральных знаний, обычном для индоевропейских народов [4], можно указать и на другие причины малого количества источников о старом язычестве. Прежде всего, это церковная политика, которая не столько истребляла существующие языческие тексты, сколько не давала появляться новым записям. Так, относительно богатая источниками германская традиция обрела основные записи о язычестве в Исландии (достоверно заселённой только в IX в.), наиболее удалённом и труднодоступном для церкви уголке германского мира. В то же время о языческой старине в Германии у нас несопоставимо меньше данных, при том, что население Германии в любую эпоху многократно превышало исландское, а её история является куда более длительной. Ещё одним фактором, повлиявшим на скудость источников, было в целом небольшое число текстов в тёмные века средневековья и множество позднейших катаклизмов, в которых погибли многие рукописи (например, для Руси это татаро-монгольское нашествие XIII в. и т.д.).

Осознание прерывности линии преемственности порой создаёт ситуацию, когда те или иные неоязычники создают миф о том, что их движения – традиционны и идут из глубины веков. Например, одно из крупных славянских неоязыческих течений, «Схорон Еж Словен», по словам своего лидера, Владимира Голякова (называющего себя «славянским именем» Богумил Второй) якобы

было основано в XI в., и с этого времени существовало тайно, скрываясь от преследования церкви и никак не проявляясь, дабы сохранить языческое наследие предков. Подобные заявления можно без сомнения характеризовать как выдумки, ввиду отсутствия каких бы то ни было доказательств. То же самое можно уверенно сказать и о любых других «тайных линиях преемственности» какого бы то ни было неоязыческого движения. Те или иные непрерывные линии преемственности языческого характера в Европе можно отнести разве что к финно-угорским народам удмуртов и марийцев, да и у них язычество претерпело колоссальное влияние христианства и верований других народов [5].

2. Систематизация неоязыческих движений возможна по этническому признаку. Выделим наиболее интересные моменты среди европейских по происхождению неоязычеств, не углубляясь, однако, в глубокий анализ. Напомним, что христианизация Европы относится к эпохе средневековья, хотя иногда язычество живёт и сохраняет преемственность веры ещё века.

К германскому неоязычеству можно отнести, например, асатру (исландск. «вера в асов» – богов, упоминающихся в Эддах), движение, опирающееся на письменное наследие Исландии. Первые зарегистрированные общины появляются в Северной Европе в 1970-е гг.; интерес к асатру во многом подогревается романтикой эпохи викингов, их воинственным духом и магическим наследием (например, рунами Футарка). Последователи асатру, почитая верховным бога мудрости Одина, чтут также его сына – бога грозы и войны Тора, и других богов – бога плодородия Фрейра, его прекрасную сестру Фрейю, бога-воина Тюра, могучего Хеймдалля, бога весны Бальдра и хитреца Локи; почитаются также богини Фригг, Сиф, Идун и другие. Кроме двух «Эдд» (XIII в.) – Старшей и Младшей, в которых собрано значительное количество мифологических сказаний о богах и героях – большое внимание уделено историческим хроникам, сагам и поэзии скальдов позднего средневековья; огромное значение имеет историческая сага «Круг Земной» того же авторства, что и «Младшая Эдда», содержащая значительный мифологический пласт. Хотя не все германские неоязычники являются последователями асатру, и есть несколько других похожих движений (например, единисты), асатру является наиболее популярным из них, его последователей много и в России. Тем не менее, следует помнить, что как асатру, так и иные близкие ему

течения это совокупность различных, а вовсе не единое движение.

Другую большую группу неоязычников в Европе составляют кельтские течения. В большинстве своём они опираются на средневековые тексты Ирландии и Уэльса (например, такие как ирландские скелы Уладского цикла или валлийский «Мабинбгион»), а также на античные источники текстового и археологического характера (например, в качестве священных часто берутся изображения с Гундеструпского котелка, найденного археологами в 1891 г. и относящегося к I в. до н.э.). Последователи кельтского язычества часто в меньшей степени сосредоточены на богах, сведения о которых отрывочны, но всё же необходимо отметить почитание некоторых из них. Прежде всего это Луг (бог-умелец), Дагда («добрый» бог), Огма (бог красноречия, причастный к огамическому письму кельтов), Морриган (богиня войны и военной магии) и т.д.: эти боги известны нам по средневековым текстам. Есть также боги, известные по материалам эпиграфическим (среди которых особо выделяется т.н. Колонна лодочников I в.) и письменным античным: Цернунн (галльск. «рогатый»; ср. лат. cornutus с тем же значением – рогатый бог плодородия), Эзус (связанный с почитанием растений), Таранис (бог грома), Белен (бог солнца) и т.д. Кроме того, здесь преобладает особое почитание природы (прежде всего лесов и растений) и активно используется кельтское художественное наследие (например, сказания о рыцарях Круглого стола, символ трикветры или кельтский орнамент). Сильное влияние кельтское язычество имеет не только в странах с преобладающим кельтским населением (Уэльс, Ирландия), но и там, где кельты имели значительное влияние лишь в прошлом (например, Франция с её знаменитыми «галлами» Астериксом и Обеликсом и т.д.). Примером кельтского неоязычества может служить друидизм, как и асатру, представляющий конгломерат разных движений. Часто символом кельтских святилищ выступает Стоунхендж, однако стоит отметить, что он не имеет никакого отношения к кельтам, и был создан значительно раньше их появления в Британии.

Не столь многочисленны неоязычники-балты, играющие, однако, некоторую роль в современной культуре Литвы и Латвии. Балты – близкие славянам индоевропейские народы, когда-то жившие на огромных территориях Восточной Европы – позже имели непростую историю, постоянно выступая в

роли лакомого куса для германских и славянских государств. В поисках истоков, обосновывающих независимость и самобытность своей культуры, балтийские народы обратились к древнему наследию (первые попытки такого обращения были уже в 1920-е гг. [6]), которое благодаря фольклору представляется чрезвычайно богатым и архаичным. Достаточно упомянуть только тот факт, что балтские языки имеют наибольшее сходство в плане сохранности своего словаря с древнеиндийским языком санскритом [7], в то время как расхождение между предками этих языков в рамках индоевропейской семьи, согласно «курганной» гипотезе, произошло более 4000-6000 лет назад [8].

Определённый пласт сведений о балтийском язычестве можно почерпнуть в исторических работах германских и славянских авторов. Например, в русской «Ипатьевской летописи» за 1252 г. упоминается почитание литовским князем Миндовгом (XIII в.) нескольких балтийских божеств, вроде богини лесов Медейны; но наиболее полные данные дают немецкие летописи, например, «Хроника Земли Прусской» (XIV в.), написанная Петром из Дусбурга, где сообщается о верованиях балтов, их жречестве, культе огня, священных рощ и т.д. Однако особенностью культуры балтов является, конечно, её опора на фольклор. В течение XIX-XX вв. собиратели народного творчества записали колоссальное количество т.н. дайн. Дайна – это короткая народная песня с элементами эпоса, исполняемая на литовском или латышском языке. В дайнах сохранилось поразительное для Европы количество языческих сюжетов и персонажей; здесь постоянными героями являются такие боги как верховный Диевас (собственно «Бог», слившийся с христианским образом Небо-Отец), Земес-Мате (Земля-Мать), Перкунас (бог грома, ср. со славянским Перуном), Вяльняс (бог скота и подземного мира, ср. с Велесом), Сауле (богиня солнца и т.д.). В дайнах постоянно разыгрывается несколько основных мотивов – прежде всего божественного брака, например, между небом и землёй. На основе дайн, исторических хроник и легенд в XIX в. Андрей Пумпур создал эпос «Лячплесис», который тоже весьма уважаем некоторыми неоязычниками. Известны такие движения как литовская Ромува, латвийская Диевтуриба и т.д.

К северному неоязычеству можно также отнести финно-угорские верования, которые исповедует незначительное число людей, относящихся к прибалтийско-финским народам – финнам, эстон-

цам, карелам и т.д. Здесь, как и в случае балтов, наблюдается крайняя скудость древних и исторических источников, но весьма богатыми являются фольклорные данные, где известны т. н. руны – эпические стихотворные песни разного объёма, сходные с былинами. На их основе в середине XIX в. филолог Элиас Лённрот создал знаменитую «Калевалу», где свёл в единое повествование множество типичных сюжетов финно-карельской мифологии. Впрочем, как и «Лачплесис» (во многом вдохновлённый «Калевалой»), это произведение следует признать скорее авторским, чем народным [9]. Тем не менее, в центре внимания и финского неоязычества и «Калевалы» одни и те же персонажи: «старый вещий Вяйнямейнен» (знаток магии, знаний, музыки), искусный Илмаринен (мастер и кузнец), красавец Лемминкяйнен (воин, любимец женщин), могучий мстительный Куллерво; противостоит им злое Луухи, старуха из тёмного мира. Слилсь с христианским образом единого Бога громовержец Укко, сохранивший ряд языческих черт. Большую зависимость от сюжетов и образов «Калевалы» испытал эстонский эпос «Калевипоэг», также относящийся к XIX в.; все эти три произведения – авторские продукты эпохи романтизма, и не могут считаться полноценными источниками по древнему язычеству.

Как уже отмечалось выше, в Европе есть другие финно-угорские народы, и некоторые из них, а именно удмурты и (особенно) марийцы, сохранили наряду с православием и остатки языческой веры (т.н. «языческое христианство»), которые в целом можно признать традиционными. В них значительную роль играют моления и связь с духами, однако углубляться в эту тему мы не станем, поскольку нельзя назвать данные верования неоязыческими. Тем не менее, стоит отметить, что в последнее время на волне интереса к традиционным религиям, эти верования приобретают новые черты [10].

Не столь многочисленно, но всё же существует неоязычество, основанное на греческой и римской мифологии. Обычно исповедующие такие верования люди отмечают несомненную духовную и этическую ценность текстов вроде «Илиады» и «Одиссеи» Гомера (VIII в. до н.э.), «Теогонии» Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.), «Энеиды» Вергилия (I в. до н.э.) и др., и античной культуры в целом, по-разному проявляя свои религиозные чувства. Так, известна эпатажными обрядами греческая организация Эллинайс [11], Впрочем, не единственная из разнообразных групп античных неоязычеств, некоторые

представители которых считают себя «язычниками» только «по духу».

Некоторый интерес существует к своему язычеству и у представителей кавказских этносов. Многим северокавказским народам известен т. н. нартский эпос, сохранивший значительный пласт языческих представлений. Последние привлекают к себе внимание, например, осетин, которые обнаруживают в рамках данного эпоса наследие ирано-язычных предков, роднящее этот народ с другими индоевропейскими культурами. Нартский эпос стал широко известен и в научных кругах, особенно после того, как его исследовал выдающийся французский лингвист Ж. Дюмезиль, делая акцент именно на осетинском его восприятии [12]. Главным здесь является владыка неба Хуцау, с которым слились образы единого Бога из христианства и ислама. Большое внимание, впрочем, тут придаётся не богам (как например, божеству солнца Хуру), а героям, на которых сконцентрирован эпос, и их борьбе с хтоническими существами вроде великанов уаиггов. Заметим, что восприятие нартского эпоса другими народами Кавказа может быть весьма различным. Кроме эпоса у некоторых этносов хорошо сохранились верования в духов, которые у тех же осетинов или абхазов можно признать традиционными.

Несколько слов нужно сказать и о необычных неоязыческих верованиях в Европе. Таковым является, например, неоязычество басков, немногочисленного народа в Испании и Франции. Сильное влияние на него оказали древнеримские верования, тем не менее, очевидно оригинальны несколько черт этой религии, в частности особое значение божеств, связанных с небом и горами, и различных духов; религия басков уникальна, поскольку они являются единственным из сохранившихся древнейших народов доиндоевропейской Европы [13]. Самобытно и неоязычество венгров, народа, хотя и имеющего финно-угорское происхождение, тем не менее, имеющее много только ему присущих черт. Реконструируя старую веру на историческом, фольклорном и сравнительном материале, шаманы (венг. талтоши) путём особых практик вступают в связь с духами, показывая непривычную Европе архаику. В целом неоязыческий шаманизм венгров похож на традиционный сибирский – высшие силы избирают человека, который должен служить им, выполняя особую роль в обществе [14]. Из-за этого большое значение обретают харизматические лидеры, придерживающиеся различных взглядов

на веру; хотя ещё в XX в. последние традиционные талтоши устраивали практики, связанные с изменением погоды.

Стоит отметить и большую в неоязычестве роль синкретических движений – таких, где сливаются две или несколько традиций. Наиболее известным из них является викка (от др.-англ. «колдун»), находящее опору прежде всего в античной, германской и кельтской традициях. Викка провозглашает, что в основе многих исторических языческих религий лежит изначальная общеевропейская вера, где важнейшее место занимал Рогатый бог и ещё более важное – его партнёрша Триединная богиня; к этим двум персонажам возводится множество «более поздних», по мнению виккан, божеств. Значимую роль в викке играют обряды, во многом основанные на языческой и средневековой магии, большой интерес есть здесь и к различным психопрактикам, особенно экстатического характера. Виккане основываются на нескольких текстах, написанных в т. ч. антропологами и религиоведами, однако в действительности эти книги (как, например, «Ведовской культ в Западной Европе» М. Мюррей) являются не столько научными, сколько псевдонаучными; они скорее создают новую мифологию, чем реконструируют старую [15]. Нужно отметить и значительное феминистское влияние на эту популярную на Западе неоязыческую веру.

Безусловно, в силу объёма этой заметки, мы не рассмотрели каждую неоязыческую систему в Европе (например, чувашскую), но выделили наиболее типичные и крупные. Кроме того, мы не рассматривали течения неевропейского происхождения, также популярные в Европе, скажем, кеметизм (неоязычество на базе древнеегипетских источников). То же самое касается индийских или китайских традиций вроде индуизма (к которому относится и кришнаизм) и даосизма, к тому же не являющихся новым язычеством.

Конечно, интерес к скандинавским системам наиболее силён в германоязычных странах, а балтийским – в Прибалтике, и т.д., хотя стоит отметить, что германские и кельтские верования популярны не только у себя на родине. Кроме того, многие неоязыческие движения разных стран склонны к сотрудничеству и взаимодействию, они изучают религии родственных народов и уважительно к ним относятся; проводят общие конгрессы.

Не стоит путать и относить к язычеству, для которого характерно почитание древних божеств,

неошаманские течения (вроде учения К. Кастанеды), где основной акцент сделан на психопрактике; и нью-эйджевские (например, теософию), которые если и используют древнее языческое наследие, то лишь как вторичный элемент по отношению к находящимся в центре внимания тайным знаниям.

3. Славянское неоязычество (далее СНЯ) ничем особенным не выделяется в ряду неоязыческих движений. Разумеется, наибольший интерес к нему проявлен в славянских странах. Сведения о старой вере часто черпаются из древних записей времён двоеверия – феномена, возникшего при наложении христианства на остатки ещё живого язычества. Из таких первоисточников особое место занимает небольшой древнерусский эпос «Слово о полку Игореве» (XII в.), порождающий, впрочем, своей сложностью больше вопросов, чем ответов; неоязычниками нередко из него используется фраза «дажьбожий внук», но нет полной ясности, к кому она применима. Наибольшее число данных о верованиях славян дошло в списках древнерусских летописей и поучений против язычества (в основном XII-XIV вв.); другой крупный корпус составляют германские латиноязычные хроники и жития XI-XIII вв., описывающие верования балтийских (или полабских) славян, ныне ассимилированных немцами и поляками. Следует отметить, что известные нам верования восточных и балтийских славян весьма сильно различаются. Незначительное число исторических текстов есть и о религии поляков и чехов, но сведения в них отрывочны и часто вызывают сомнения в своей достоверности. Некоторые свидетельства предоставляют арабские и византийские источники VI-XII вв., но и их данные скудны и требуют очень осторожного подхода. В то же время верования южных славян известны исключительно по фольклору, который, однако, ни у каких групп славян не сохранил почти никакой информации о Божествах, и конкретных мифов. Таким образом, и исторические и фольклорные источники по славянскому язычеству характеризуются крайней скудостью в отношении пантеона и мифологии. Тем не менее, фольклор и этнография дают данные о славянских духах и календарно-аграрных обрядах; в основе многих сказок и былин можно обнаружить достаточно древние мотивы, впрочем, неясно как связанные с язычеством. Иногда плодотворными выглядят сопоставления средневековых текстов

с данными этнографии, например, в вопросе реконструкции загробных представлений [16].

Вследствие такой скудости источников при огромной их востребованности появилось несколько текстов, которым приписывается немалая древность, но которые при этом были созданы значительно позже, в большинстве после Второй мировой войны. Такова, например, знаменитая «Велесова книга», якобы относящаяся к IX в., и записанная особым нигде более не встречающимся письмом. На самом деле эта книга относится к середине XX в., и факт её поддельности был давно и бесспорно выявлен [17]. То же самое касается «Славяно-Арийских Вед», ещё более позднего текста (относящегося, вероятно, к 1990-м гг.), подобного беллетристике об инопланетянах и великих тайных знаниях; поддельность «Вед» очевидна специалисту с первого взгляда. Ещё одним часто встречаемым «первоисточником» являются «Песни птицы Гамаюн», копирующие образцы народной словесности, и тем самым создающих у неспециалиста видимость аутентичного памятника, однако и они созданы не ранее 1980-х гг. У западных же славян некоторые фальсификации появились намного раньше (например, поддельная Краледворская рукопись была создана в начале XIX в.). К XIX столетию относится болгарская «Веда Словена», в свою очередь повлиявшая на позднейшие подделки. В целом, в XIX-XXI вв. их было создано множество. Стоит отметить, что хотя и другим неоязыческим системам известны фальсификации (как например, германская «Хроника Ура-Линда» или «учения кельтских друидов» из книг Дугласа Монро), они не имели такого влияния в рамках своих традиций.

Подлил масла в огонь известный академик Б.А. Рыбаков, издавший в 1980-е годы огромными тиражами две больших работы о язычестве славян и Древней Руси [18]. Несмотря на высокое научное звание, Рыбаков в этих работах занимался, фактически, не наукой, а мифотворчеством [19]. Одним из его «открытий» стало возвышение незначительного (и довольно неплохо изученного ещё до Рыбакова) родового Бога судьбы по имени Род до роли главного у славян. Этот вывод Рыбакова (как и многие иные) был подвержен значительной критике или забвению в рамках последующих исследований славянского язычества практически всеми крупными учёными [20]. Однако совпадение времени выхода двух указанных великотиражных работ Рыбакова с распадом

советской системы и появлением первых неоязыческих движений в России создало ситуацию, при которой главными «научными» трудами, на которых выстраивали реконструкции первые неоязычники, были как раз эти книги. Так, начиная с 1980-х появляются движения, которые несколько лет спустя придумают себе название «родноверие» (в значении «родная вера», неологизм, не встречающийся ни в каких источниках ранее 1990-х). Характерно, что слова «асатру», «родноверие» и некоторые другие являются продуктами неоязыческой эпохи, и неизвестны в древности. Особенностью родноверов является почитание Бога Рода верховным, а также следование Рыбакову во многих других вопросах реконструкции. Родноверие является сегодня самым массовым движением в рамках славянского неоязычества (во всяком случае в России), и их значительное влияние на СМИ создаёт ситуацию, при которой неподготовленному человеку может показаться, что «родноверие» есть синоним славянского язычества, а опора на Рыбакова и его последователей – полностью научно оправдана. Это не так.

Родноверие – не единственное течение внутри славянского неоязычества. Учения, опирающиеся на «Славяно-Арийские Веды» объединены под названием инглизм; характерно, что родноверы в большинстве указывают на творчество его деятелей как на систему, ведущую к «дискредитации <...> современного языческого движения» [21], а его фактический создатель (и реальный автор большинства данных «Вед») А.Ю. Хиневич был осуждён по статье за экстремизм. Есть и другие менее известные группы славянских неоязычников; стоит отметить, что, например, отдельно взятое родноверие нельзя считать единым движением – это совокупность множества общин, подчас различающихся весьма значительно. Некоторые общины откровенно пропагандируют нацизм, другие в то же время вообще не касаются национального вопроса; одни опираются исключительно на научные данные, другие – на подделки и выдумки. То же самое касается остальных течений СНЯ (или, например, скандинавских течений в рамках асатру и т.д.).

Хочется упомянуть и об известной автору группе славянских неоязычников, которые порой называют себя просто «новыми язычниками», и относятся к сторонникам научного подхода в изучении старого язычества. Новое же они конструируют, опираясь на данные сравнительной мифологии и философских систем других культур,

экологичности, светской этики и национальных ценностей (типичные для многих языческих общин национализм, семья, здоровый образ жизни и т. д.). Несмотря на наличие некоторых интернет-ресурсов, они не стремятся «перекричать» родноверов, предпочитая этому глубокое изучение славянских древностей и фольклора. Кроме того, они не так склонны к созданию общин и религиозных организаций (фактически, это одиночки), хотя и поддерживают фольклорные, спортивные и иные мероприятия других языческих групп. Для них публичный интерес к язычеству кажется во многом научным, в то время как истинно религиозный смысл раскрывается в глубинных личных верованиях и неафишируемых духовных практиках; хотя, конечно, практики того или иного рода (в основном конструированные или заимствованные из близких культур) играют большую роль во многих течениях СНЯ. По просьбе некоторых из них мы не будем указывать ссылки на их проекты о славянских древностях.

Несмотря на различия среди разных групп СНЯ, необходимо указать и на их общность. Прежде всего, это почитание в целом единого (с небольшими вариациями) круга Богов. Кроме уже указанного Рода и Рожаниц (Божеств рода и судьбы) это куда более значимые в древности восточнославянские Дажьбог (небо, плодородие), Перун (гром, война), Мокошь (судьба, женщины), Волос или Велес (сельское хозяйство, торговля, богатство, вдохновение), Стрибог (ветер), Хорс (солнце), Сварог (кузнец, брак); балтийские Сварожич (Радегаст), Святovit, Ругевит, Яровит, Триглав (все связаны с войной и гаданиями), дуалистические Белобог и Чернобог; Жива, Прове (о них известно мало) и т. д. Огромное значение так или иначе играет почитание стихий (Земля-Мать, Огонь-Сварожич, водоёмы..), небесных светил, лесов, гор и т. д., а также персонажей календарных обрядов (Ярило, Марена, Купала, Масленица, Коляда, Бадняк и т. д.). Перечисленные персонажи известны по надёжным первоисточникам, однако есть и некоторые новые, вышедшие со страниц работ «кабинетных мифологов» или подделок, например, Орей, Вышень, Крышень, имеющие почитание лишь у отдельных групп. Популярна и выдумка из Велесовой книги про три мира: Явь, Правь и Навь. В интернете часто упоминается о «находках» «славянских» гороскопов, «древних языческих» календарей, и «старинных» рунических записей на особом алфавите славян – всё это

фальшивки. Причиной успеха множества подделок является нежелание многих неоязычников читать и глубоко вникать в научную и историческую литературу, среди которой много замечательного вышло (или было переиздано) в последние годы [22].

Кроме общего круга Богов, подавляющее большинство неоязычников придерживается пантеистических верований, т.е. считают Вселенную как совокупность мироздания величайшим единым, но безличным Божеством («Одно»), доступным для мистических практик, но не играющим большой роли в их представлениях (или отождествляемым некоторыми родноверами с Родом). Существует и круг основных праздников, признанных всеми неоязычниками: это прежде всего приуроченные к равноденствиям и солнцестояниям Масленица, Купала и Коляда; приходящийся на 2 августа (или 20 июля по новому стилю) Перунов день (по аналогии с Ильиным днём), праздники Дедов (известные этнографии дни почитания умерших предков) и т.д., хотя многие мелкие праздники, которые зачастую следует признать новыми, отмечают лишь отдельные общины. Многие адепты СНЯ увлекаются материальным культурным наследием древних славян и подчас занимаются его реконструкцией – идолами (которых родноверы, следуя за Рыбаковым, называют «чурами», хотя ничего подобного нет ни в каких древних источниках), славянской одеждой и вооружением, обрядовыми куклами и т.д. С другой стороны, группа описанных выше «новых язычников» считает, что неприменное ношение старинных рубах не только не необходимо, но даже и бессмысленно. Один из знакомых автору «новых язычников» сказал об этом так: «наши предки носили современную для себя одежду, и мы в этом следуем им, нося современную для себя одежду. А если бы и наши предки носили старинную для себя одежду, то они ходили бы в блохастых шкурах».

Если старое славянское язычество имело аграрную сущность, то новое в основном исповедуется жителями городов, что порой весьма осложняет нахождение точек соприкосновения двух мировоззрений. В рамках урбанистической культуры неоязычники создают капища (т.е. святилища под открытым небом, где стоят идолы) за чертой города; в качестве примера приведём Янинское святилище под Петербургом, созданное родноверческой общиной «Крина». На нём проводятся как закрытые внутриобщинные встречи и обряды, так и мас-

совые праздники, презентуемые как фольклорно-реконструкторские. На них довелось побывать и автору; порой их посещают сотни людей.

Довольно известными представителями СНЯ в России являются: один из лидеров родноверия Велеслав (Илья Черкасов), с которым вышло несколько телепередач; победитель популярного шоу «Битва экстрасенсов» родновер Дмитрий Волхов; сатирик Михаил Задорнов; чемпион мира по боксу Александр Поветкин и т.д.

Напоследок стоит подчеркнуть, что языческие верования различных народов и в древности не являлись едиными; и версии старого язычества, скажем, скандинавских «Эдд» могли быть далеко не единственными в старую пору. Древнее язычество (как славян, так и иных народов) не имело ни точно ограниченного единого пантеона, ни институализированной для всех племён единой религиозной системы; сказывался и нормально воспринимаемый в древности инклюзивизм, т.е. включение в свою веру элементов чужих верований.

По материалам одного из опросов, где был вопрос «принимаете ли вы всерьез язычество?», все отвечающие без сомнения высказались в духе «полностью и целиком», а некоторые даже немного обижались на автора опроса, предложившего этот вопрос с очевидным, по их мнению, ответом. Опрос был помещён в одной из социальных сетей в группе, посвящённой язычеству в целом, однако поскольку он не был анонимным, мы не будем ссылаться на него.

Разумеется, данный очерк не претендует на полную характеристику и анализ всех особенностей неоязычества, его целью было общее описание основных тенденций.

Выводы:

- Востребованность неоязычества вызвана прежде всего интересом к национальному прошлому и ростом националистических настроений (за исключением синкретических учений вроде викки); другие причины кроются в общем мировоззренческом и ценностном кризисе, который не всегда может преодолеть традиционная религия (например, христианство), а также в экологическом и духовном стремлении оберегать и идеализировать природу. Ввиду этого сомнительно, что в ближайшее время интерес к неоязычеству в Европе упадёт;
- Неоязыческие религии всегда опираются на дохристианские верования того или иного

(часто своего) народа (опять же, за исключением синкретических религий); однако между старым язычеством и новым (неоязычеством) нету непрерывной преемственности, что и делает эти понятия различными;

- Старое язычество в своей полноте в Европе по сути неизвестно, это можно гарантированно сказать о любой индоевропейской традиции континента (германской, кельтской, славянской, греко-римской и т.д.). Вследствие этого отсутствует преемственность с новым язычеством, а значит недопустимо и применение самого понятия «язычество» по отношению к современным религиям (кроме верований марийцев и удмуртов). Однако, в качестве самоназвания «язычество» встречается сегодня очень часто, порой наряду с негативным восприятием понятия «неоязычество», из-за чего и в науке появились тенденции к употреблению компромиссных понятий, например, «современное язычество», «традиционная религия» и т.д. [23]. Но можно считать правомерным применение терминов (употребляемых как характеристику типа этих верований) «язычество» по отношению к дохристианским верованиям и «неоязычество» – к современным;
- Неоязычество не столько воспроизводит старое язычество, сколько объединяет некоторые его принципы с новыми конструкциями, вызванными как скудостью источников, так и культурными различиями эпох, и личными взглядами тех или иных реконструкторов. Восстановление «чистого» язычества как оно было в древности – невозможно;
- Славянское неоязычество в ряду других европейских неоязыческих систем следует признать типичным, однако следует особо подчеркнуть роль здесь поддельных текстов и сильное влияние мифологических конструкций Б.А. Рыбакова;
- Неоязычество Европы это не просто модное увлечение, это феномен, который многие тысячи, а возможно и миллионы людей сегодня (2014) воспринимают со всей серьёзностью как свою религию и мировоззрение. Данные об общей численности неоязычников в мире очень сильно разнятся: кто-то говорит о 500 тыс., кто-то – о 5 млн и более; по многим причинам их подсчёт затруднён [24]. По нашему мнению, истина где-то посередине, при этом в целом их число растёт.

Список литературы:

1. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2009.
2. Барандиаран Х.М. Баскская мифология. М., 2009.
3. Васильев М.А. Рецензия на Неоязычество на постсоветском пространстве // Славяноведение. 2002. № 4.
4. Гайдук А.В. Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 169-180.
5. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2013.
6. Гальцин Д.Д. Классические корни викки. (URL: <http://www.versacrum.narod.ru/articles/classic.html> (дата обращения 18.10.2013)).
7. Гимбутас М. Балты: Люди янтарного моря. М., 2004.
8. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. СПб., 2004.
9. Курганова И.Г. Новые религиозные движения как объект религиоведческих исследований: анализ проблематики // Философия и культура. 2012. № 5. С. 96-107.
10. Кутарев О.В. Древнеславянские загробные представления и концепция множественности душ // Acta eruditorum. СПб., 2013. Вып. 13. С. 21-24.
11. Кутарев О.В. О неприятии славянскими неоязычниками некоторых аспектов старого язычества // Герценовские чтения 2012. СПб., 2013. С. 346-348.
12. Кутарев О.В. Характеристика Рода и Рожаниц в славянской мифологии: интерпретации Б.А. Рыбакова и его предшественников // Религиоведение. 2013. № 4. С. 170-177.
13. Ловмянский Г. Религия славян и её упадок. СПб., 2003.
14. Мансикка В.И. Религия восточных славян. М., 2005.
15. Неоязычество на просторах Евразии / Сост., ред. В.А. Шнирельман. М., 2001.
16. Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2002.
17. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005.
18. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
19. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
20. Рыжакова С.И. Латышское неоязычество: заметки этнографа. (URL: <http://www.religio.ru/relisoc/29.html> (дата обращения 18.10.2013)).
21. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
22. Что думают ученые о "Велесовой книге" / Сост. А.А. Алексеев. СПб., 2004.
23. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М., 2005.

References (transliteration):

1. Anichkov E.V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus'. M., 2009.
2. Barandiaran Kh.M. Baskskaya mifologiya. M., 2009.
3. Vasil'ev M.A. Retenziya na Neoyazychestvo na postsovetском prostranstve // Slavyanovedenie. 2002. № 4.
4. Gaidukov A.V. Slavyanskoe novoe yazychestvo v Rossii: opyt religiovedcheskogo issledovaniya // Novye religii v Rossii: dvadtsat' let spustya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2013. S. 169-180.
5. Gal'kovskii N.M. Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnei Rusi. M., 2013.
6. Gal'tsin D.D. Klassicheskie korni vikki. (URL: <http://www.versacrum.narod.ru/articles/classic.html> (data obrashcheniya 18.10.2013)).
7. Gimbutas M. Balty: Lyudi yantarnogo morya. M., 2004.
8. Klein L.S. Voskreshenie Peruna. SPb., 2004.
9. Kurganova I.G. Novye religioznye dvizheniya kak ob'ekt religiovedcheskikh issledovaniy: analiz problematiki // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 5. S. 96-107.
10. Kutarev O.V. Drevneslavyanskije zagrobnye predstavleniya i kontseptsiya mnozhestvennosti dush // Acta eruditorum. SPb., 2013. Vyp. 13. S. 21-24.
11. Kutarev O.V. O nepriyatii slavyanskimi neoyazychnikami nekotorykh aspektov starogo yazychestva // Gertsenovskie chteniya 2012. SPb., 2013. S. 346-348.
12. Kutarev O.V. Kharakteristika Roda i Rozhanits v slavyanskoi mifologii: interpretatsii B.A. Rybakova i ego predshestvennikov // Religiovedenie. 2013. № 4. S. 170-177.
13. Lovmyanskii G. Religiya slavyan i ee upadok. SPb., 2003.
14. Mansikka V.I. Religiya vostochnykh slavyan. M., 2005.
15. Neoyazychestvo na prostorakh Evrazii / Sost., red. V.A. Shnirel'man. M., 2001.
16. Petrukhin V.Ya. Mify drevnei Skandinavii. M., 2002.
17. Petrukhin V.Ya. Mify finno-ugrov. M., 2005.
18. Rybakov B.A. Yazychestvo Drevnei Rusi. M., 1987.
19. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnykh slavyan. M., 1981.
20. Ryzhakova S.I. Latyshskoe neoyazychestvo: zametki etnografa. (URL: <http://www.religio.ru/relisoc/29.html> (data obrashcheniya 18.10.2013)).
21. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'. M., 1995.
22. Chto dumayut uchenye o "Velesovoi knige" / Sost. A.A. Alekseev. SPb., 2004.
23. Shirokova N.S. Mify kel'tskikh narodov. M., 2005.